

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Введение	13
1. «Славные вести! Нап снова высадился во Франции, ура!»	21
2. «Боже, Наполеон меня надул!»	45
3. «Судьба Франции в ваших руках!»	69
4. «Avancez, mes enfants, courage, encore une fois, Français!»	87
5. «Ага, наконец я добрался до вас, англичане!»	111
6. «Бог весть откуда прилетело ядро и отняло голову человеку справа»	139
7. «Большие ботинки не выносят грубости!»	161
8. «Что за ужасные серые кони, как они дерутся!»	187
9. «Мы... отомстили. Какая была резня!»	213
10. «Лучшая в мире кавалерия»	235
11. «Защищайтесь! Защищайтесь! Они лезут отовсюду!»	263
12. «Самое большое после проигранной битвы несчастье — битва выигранная»	289
Заключение	315
Послесловие	341
Благодарности	345
Библиография	347
Приложение	351

ПРЕДИСЛОВИЕ

Зачем нужна еще одна книга про Ватерлоо? Хороший вопрос. Отчетов о Ватерлоо хватает, это, видимо, одно из самых изученных и хорошо описанных сражений в истории. К окончанию того ужасного июньского дня в 1815 году каждый из участников побоища знал, что пережил нечто значительное, так что появились сотни мемуаров и писем, рассказывавших о произошедшем. Сам герцог Веллингтон совершенно верно заметил, что история баталии напоминает историю бала. Каждый участник вспоминает бал по-своему: кто-то счастлив, кто-то разочарован, да и как в вихре музыки, нарядов и флирта можно составить единый отчет, что, когда и с кем произошло? А Ватерлоо стало решающим событием начала XIX века, и с тех пор множество мужчин и женщин пытаются составить единый рассказ о нем.

Вот общепризнанная часть истории. Наполеон напал на правый фланг Веллингтона, пытаясь отвлечь резервы герцога на эту часть поля, затем предпринял массированную атаку на левый фланг. Атака не удалась. Действие второе: знаменитая кавалерийская атака на правую часть центра герцога. И действие

третье, когда из левой кулисы появляется прусская армия — последнее отчаянное наступление Императорской гвардии. К этому следует добавить сюжетные линии атаки на Угумон и падения Ла-Э-Сент. Такова общая схема, но ведь картина сражения в целом куда сложнее. Тем, кто был там, она не казалась ни ясной, ни простой, и вот одна из причин написать эту книгу — постараться представить, как видел события человек, оказавшийся на поле боя в тот смутный день.

Пережившие эту неразбериху были бы, наверное, крайне удивлены мнением, что Ватерлоо не было таким уж важным сражением, что если бы Наполеон его выиграл, то в дальнейшем он столкнулся бы с превосходящими силами противников и все равно пришел бы к поражению. Может, и так, но с определенностью этого сказать нельзя. Если бы император взял гребень Мон-Сен-Жан и обратил Веллингтона в бегство, ему все-таки предстояло управиться с могучими армиями Пруссии и России, которые уже шли во Францию. Этого не произошло. Наполеона остановили в Ватерлоо, что и придает такую важность этой битве. Она стала поворотной точкой в истории, и аргумент, что история все равно пошла бы по этому пути, не умаляет значения момента. Иные битвы ничего не изменили. Ватерлоо изменило почти всё.

Военная история может быть весьма запутанной. Римская нумерация (IV корпус) мешается с арабской (3-я див.). От таких обозначений у человека штатского может двоиться в глазах. Я постарался не наводить большой путаницы, но кое в чем ее усугубил, используя слова «полк» и «батальон» как синонимы, хотя очевидно, что это разные понятия. Полк был административной единицей британской армии. Некоторые полки состояли из одного батальона, большинство из двух, а меньшинство — из трех и даже более, но крайне редко два батальона одного и того же полка воевали рядом в одной и той же кампании. При Ватерлоо отмечены только два таких полка.

1-й пехотный полк участвовал в этой битве 2-м и 3-м батальонами, а 95-й стрелковый был представлен тремя батальонами. От всех остальных полков присутствовало только по одному батальону, поэтому, если я упоминаю 52-й полк, я имею в виду 1-й батальон этого полка. Иногда для ясности я пользуюсь словом «гвардейцы», хотя в 1815 году солдат британской гвардии еще именовали «рядовыми».

Все три армии при Ватерлоо делились на корпуса, так что и британо-голландская, и прусская армия разделялись на три корпуса. Французскую же составляли четыре, потому что Императорская гвардия хоть и не называлась корпусом, но по существу им и была. Корпус состоял из 10 000–30 000 человек или более, и его можно назвать независимой военной силой, способной применять кавалерию, пехоту и артиллерию. Корпус, в свою очередь, подразделялся на дивизии, таким образом, 1-й корпус французской армии подразделялся на четыре пехотные дивизии, от 4000 до 5000 человек каждая, и одну кавалерийскую дивизию, чуть более 1000 человек. Каждая дивизия имела свою артиллерию для огневой поддержки. Далее, дивизия могла делиться на бригады, например, 2-я пехотная дивизия 1-го корпуса французской армии состояла из двух бригад — одна из семи батальонов, остальные — из шести. Батальоны подразделялись на роты. Французский батальон состоял из шести рот, британский — из десяти. Чаще всего в этой книге упоминаются батальоны (которые иногда названы полками). Самый крупный британский пехотный батальон при Ватерлоо насчитывал свыше 1000 человек, но средний батальон во всех трех армиях составлял около 500. Если вкратце, то иерархия была такой: армия, корпус, дивизия, бригада, батальон, рота.

Некоторых читателей может оскорбить выражение «английская армия», когда понятно, что речь идет о британской армии. Я использовал название «английская армия» только при отсылках к оригинальным источникам, предпочитая не перево-

дить слово *anglais* как «британский». Как таковой английской армии не существовало, но в начале XIX века это выражение было общепринятым.

Сражения 16 июня и 18 июня 1815 года — прекрасный материал для рассказа. Нечасто история одаривает авторов исторических романов чистым сюжетом с яркими персонажами, которые действуют в определенном отрезке времени, так что нам приходится манипулировать историей, создавая собственную сюжетную канву. Впрочем, когда я писал «Ватерлоо Шарпа», изобретенный мною сюжет почти целиком был захвачен и унесен рассказом о великой битве, потому что величие этой истории не только в ее действующих лицах, но и в образах самой битвы. Это — ожидание развязки на последней странице. Сколько бы я ни читал материалов о событиях того дня, его окончание всегда полно неожиданности и волнения. Непобедимая Императорская гвардия взбирается на гребень, где ждут войска Веллингтона, измотанные почти до предела. С востока прусские части вгрызаются Наполеону в правый фланг, но если гвардия опрокинет солдат Веллингтона, то у императора хватит времени развернуться против прибывающих войск Блюхера. Это почти самый длинный день в году, и оставшихся двух часов светового дня достаточно, чтобы уничтожить армию или даже две. И пусть нам известно, чем все закончится, всякий хороший рассказ интересно послушать снова.

Так что вот он — рассказ о сражении.

ВВЕДЕНИЕ

Летом 1814 года его светлость герцог Веллингтон держал путь из Лондона в Париж, дабы принять назначение на должность британского посла при новом короле Людовике XVIII. Возможно, он хотел добраться коротким путем из Лувра в Кале, но вместо того бриг Королевского флота Griffon доставил его по Северному морю в город Берген-оп-Зом. Герцог посетил недавно созданное Королевство Нидерланды, неуклюжее новообразование — полуфранцузское, полуголландское, наполовину католическое, наполовину протестантское, — расположенное к северу от Франции. Британские войска служили в новом государстве гарантом его существования, и герцога попросили проинспектировать укрепления вдоль французской границы. Герцога сопровождал Тощий Билли, также известный под прозвищем Лягушонок, — 23-летний принц Виллем, ставший кронпринцем нового королевства, которого считали способным в военном деле, поскольку он служил у герцога во время Пиренейских войн. Герцог две недели объезжал укрепления, в нескольких городах посоветовал привести их в порядок, но вряд ли всерьез помышлял о новой войне с Францией.

В конце концов Наполеон был разгромлен и изгнан на остров Эльба в Средиземном море. Во Франции вновь установилась монархия. Войны утихли, а в Вене дипломаты ковали мирный договор, который установит в Европе такие границы, чтобы новая война не грозила континенту.

А Европа была разорена. Отречение Наполеона положило конец войне длиной в 21 год, начавшейся с Французской революции. Монархии — старые режимы Европы — устрашились событий во Франции, участи казненных Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Боясь, как бы революционные идеи не прижились в их странах, государи развязали войну.

Они ожидали легкой победы над оборванным воинством революционной Франции, но вместо того разгорелась мировая война, спалившая и Вашингтон, и Москву. Воевали в Индии, Палестине, Вест-Индии, Египте и Южной Америке, но Европа пострадала больше всех. Франция выдержала первый удар, и из хаоса революции явился гений, вождь — император. Армии Наполеона рассеялись по Пруссии, Австрии, России, они прошли от Балтики до южного побережья Испании, а бестолковые братья императора расселись на половине тронов Европы. Погибли миллионы, но вот, спустя два десятка лет, все закончилось. Вождь был заточен.

Наполеон повелевал всей Европой, но у него оставался враг, с которым он ни разу не бился, которого он ни разу не побил, — герцог Веллингтон, славой полководца уступавший только Наполеону. Урожденный Артур Уэсли, он был четвертым сыном графа и графини Морнингтон. Семейство Уэсли принадлежало к англо-ирландской аристократии, и Артур изрядную часть юности провел на родине, в Ирландии. Учился он в основном в Итоне, но там ему не понравилось. Его мать Анна в отчаянии жаловалась: «Не знаю, что и делать с моим непутевым сыном Артуром!» В результате, как многие младшие сыновья знатного рода, он был отправлен служить в армию.

Так началась его удивительная карьера, где непутевый Артур выказал способности к военной службе. Армия заметила его и воздала по заслугам. Вначале Артура командировали в Индию, где он одержал несколько блестящих побед. Затем вернули в Британию и доверили небольшую экспедиционную армию, которой была поставлена задача не позволить Франции занять Португалию. Эта небольшая армия выросла в могучую боевую единицу, которая освободила Португалию и Испанию и вошла в Южную Францию. Она одерживала одну победу за другой. Артур Уэлсли (семейство изменило фамилию с Уэсли) стал герцогом Веллингтоном и был признан одним из величайших полководцев эпохи. Александр I, русский император, назвал его *le vainqueur du vainqueur du monde*, победителем победителя мира. А «победитель мира» — это, конечно, Наполеон. И за 21 год войны герцог Веллингтон и император Наполеон ни разу не сошлись друг с другом.

Герцога постоянно сравнивали с Наполеоном, но, когда в 1814 году его спросили, жалеет ли он о том, что ни разу не встретился с императором в бою, тот ответил: «Нет, я очень рад этому». Он презирал Наполеона-человека, но восхищался Наполеоном-полководцем, учитывая, что «вес» Бонапарта, вышедшего на поле боя, достигал добрых 40 000 человек. В отличие от Наполеона, герцог не проиграл ни одного сражения, но встреча с императором вполне могла опровергнуть этот выдающийся рекорд.

Словом, если в то лето 1814 года герцог думал, что дни сражений миновали, его можно за это простить. Он знал, что хорош в бою, но, в отличие от Наполеона, никогда не получал удовольствия от сражений. Война для него была досадной необходимостью. Если требовалось драться, он дрался хорошо и с толком, но целью войны видел мир. Теперь он был дипломат, а не генерал, но привычка — вторая натура, и, путешествуя по Королевству Нидерланды, герцог то и дело примечал места,

«пригодные для боевых позиций». Одним из таких местечек оказалась долина, на взгляд большинства, пригодная скорее для фермерского хозяйства. Впрочем, глаз герцога был достаточно наметан, чтобы оценить, как склоны и долины, ручьи и рощи могут помочь или помешать командовать войсками, и чем-то эта долина к югу от Брюсселя привлекла его внимание.

Долина оказалась широкой, с крутыми склонами по краям. Маленькая придорожная таверна под названием *La Belle Alliance* («Прекрасное содружество») расположилась на гребне, ограничивающем долину с юга, значительно более высоком, чем самая высокая, 30-метровая часть северного гребня — около 100 метров выше дна долины, причем склон крутой на всем протяжении. Два гребня не вполне параллельны, кое-где подходят один к другому довольно близко. В месте, где долину пересекает дорога на север, расстояние от края до края составляет всего около километра. Это километр доброй, плодородной земли, и во времена, когда герцог посетил долину, летом 1814 года, по обе стороны дороги, вероятно, стояла высокая рожь, а по дороге шли возы из шахт возле Шарлеруа и везли уголь для очагов Брюсселя.

Но герцог заметил еще кое-что. Эта дорога была одним из основных путей из Франции в Брюссель, так что в случае новой войны могла послужить врагу для вторжения. Тогда французская армия пойдет по дороге на север, пересечет южный гребень возле таверны и увидит перед собой широкую долину, а также и северный гребень. Впрочем, гребень — сильно сказано. Солдаты увидят дорогу, которая проходит через долину и поднимается к северному возвышению, посреди фермерского хозяйства. Если представить, что гребень — это стена, то ей потребуются три бастиона. На востоке виднелась деревня с каменными домами, сгрудившимися вокруг церкви. Если эти здания и прилежащие фермерские постройки занять войсками, то выбить их оттуда будет чертовски трудно. Позади каменных

построек местность была рельефнее, холмы — круче, долины — глубже, для военных маневров места оставалось меньше, так что деревня становилась чем-то вроде крепости с восточного края гребня. В центре гребня, на середине склона расположилась ферма под названием Ла-Э-Сент. Это основательное каменное сооружение, жилой дом, амбары и двор обнесены высокой каменной стеной. Ла-Э-Сент защищала от наступления противника по дороге, а на западе находилась усадьба Угумон — крупное строение и сад, огороженные стеной. Так северный гребень превращался в заграждение с тремя выносными бастионами: деревней, фермой и усадьбой. Теперь представим, что армия выступает из Франции и, к примеру, хочет занять Брюссель. Тогда гребень и эти бастионы встанут у нее на пути. Врагу остается либо взять бастионы, либо пройти мимо, но, пройдя мимо, войска во время штурма гребня окажутся зажаты между бастионами и попадут под перекрестный обстрел.

Нападающие увидят гребень и бастионы, но гораздо важнее в данном случае то, чего они не увидят, — то, что находится за гранью северного гребня. Видны будут лишь верхушки деревьев, растущих по ту сторону гребня, а все, что лежит у подножия деревьев, окажется скрыто от глаз, поэтому атакующие не будут знать, что творится на северном склоне. Перебрасывают ли защитники подкрепление с одного фланга на другой? Готовятся ли там к атаке? Прячется ли в засаде кавалерия? Гребень был невысок, но склоны его круты, и он прекрасно вводил в заблуждение, давая огромное преимущество защитникам. Конечно, враг мог оказаться не так любезен, чтобы пойти в обычную лобовую атаку. Он мог попытаться обойти гребень с западного фланга, где местность более плоская. Тем не менее герцог взял это место на заметку. Почему? Тогда он знал — да и любой европеец знал, — что войны закончились. Наполеон изгнан, дипломаты сочиняют в Вене мирный договор, но герцог все-таки берет на заметку место, в котором армии, идущей

из Франции на Брюссель, небо с овчинку покажется. Это не единственный путь, где может пройти наступающая армия, и не единственная оборонительная позиция, которую заметил герцог за две недели командировки, но этот гребень и эти бастионы стояли как раз поперек возможного пути вторжения французской армии.

Герцог поехал дальше, миновал Ла-Э-Сент и увидел перекресток дорог на самом гребне, а за ним — небольшую деревню. Если бы герцог спросил, как называется это место, то ему могли ответить: «Мон-Сен-Жан», и это немного забавно, потому что гора Святого Иоанна выглядела скромным бугорком посреди полей ячменя, пшеницы и ржи. К северу от деревни дорога терялась в обширном Суаньском лесу, а на расстоянии трех километров по дороге отыскалось еще одно непримечательное место, хотя и с добротной церковью и с рядом харчевен для усталых и жаждущих путников. В 1814 году в этом городке не жило и двух тысяч человек, да за годы войны город потерял не менее 20 парней. Все они сражались за Францию, поскольку город находился во франкоязычной части Бельгии.

Нам неизвестно, останавливался ли герцог в 1814 году в том городке. Мы не знаем, обратил ли Веллингтон внимание на гору Святого Иоанна или на близлежащий городок с его церквушкой и россыпью трактиров. Запомнил ли он это место?

Придет время, и он уже не сможет его забыть.

Этот городок называется Ватерлоо.

НАПОЛЕОН,
КРАХ ИМПЕРАТОРА

1

«СЛАВНЫЕ ВЕСТИ! НАП СНОВА ВЫСАДИЛСЯ ВО ФРАНЦИИ, УРА!»

«Мой остров не слишком велик», — заявил Наполеон, оказавшись правителем Эльбы, крошечного острова между Корсикой и Италией. Прежде он был императором Франции, 44 миллиона человек находились под его властью, но теперь, в 1814 году, располагал только площадью в 222 квадратных километра да подданными в количестве 11 000 человек. Однако правителем он оказался хорошим и, едва прибыв, принялся издавать один за другим законы, чтобы преобразовать добывающую промышленность и сельское хозяйство острова. Ничто не ускользало от взора правителя. «Сообщите интенданту, — писал он, — о моем недовольстве скверным состоянием улиц».

Но его планы простирались далеко за пределы уборки улиц. Он хотел выстроить новую больницу, новые школы, новые дороги, однако на все это вечно не хватало денег. Французское государство вновь стало монархическим, оно согласилось выплачивать Наполеону субсидию в два миллиона франков в год. Вскоре стало понятно, что этих денег не дадут никогда, а без денег не строились ни больницы, ни дороги, ни школы. Раздосадованный Наполеон надулся и целыми днями играл в карты

с прислугой, а британские и французские корабли все это время стерегли побережье острова, не позволяя правителю покинуть его лилипутское королевство.

Император хандрил. Он скучал по жене и сыну. Он скучал и по Жозефине, когда весть о ее смерти достигла острова Эльба, он был безутешен. Бедная Жозефина с ее черными зубами, томными манерами и гибким телом! Эту женщину боготворил каждый, кто с ней встречался, она была неверна Наполеону, но всякий раз он прощал ее. Он любил ее, хотя ради продолжения династии был вынужден с ней развестись. «Не проходило и дня, чтобы я не любил тебя, — писал он ей после смерти, как будто бы она была жива. — Не проходило ночи, чтобы я не обнимал тебя.. Ни одну женщину еще не любили так преданно!»

Он хандрил и злился. Злился на Людовика XVIII, не платившего денег, негодовал на Талейрана, когда-то бывшего его министром иностранных дел, который теперь служил французской монархии на Венском конгрессе. Талейран — хитрый, умный, двуличный — предупреждал других европейских депутатов, что на средиземноморском острове, так близко к берегам Франции, император всегда будет представлять опасность. Ему хотелось, чтобы императора отослали куда-нибудь подальше, скажем, на Азорские острова, а еще лучше — на какой-нибудь остров в Вест-Индии, где свирепствует желтая лихорадка. Или вовсе на клочок суши в дальнем океане вроде острова Святой Елены.

Талейран был прав, а вот британский уполномоченный, отправленный на остров Эльба приглядывать за императором, ошибся. Сэр Нил Кэмпбелл счел, что Наполеон смирился со своей участью, и даже написал об этом лорду Каслри, британскому министру иностранных дел. «Я начинаю думать, — писал Кэмпбелл, — что он уже вполне признал свое поражение».

Про Наполеона можно было сказать что угодно, но только не то, что он признал поражение. Он следил за новостями из